

© 1990 г.

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

ИМЕНА*

XVII

Здесь собственно не место обсуждать соотношение этих именных категорий и отношение к категориям других родов, поскольку наши соображения имеют задачу гораздо более частную. Но, чтобы дать мысли некоторый разбег и не оборвать глухо ее течения,— вот некоторый намек на построение более общее. Система конкретных познавательных начал есть организм форм. Имя, как разъяснено, есть форма внутренней организации. Ей соответствует ч и с л о как форма организации внешней. Иначе говоря, инварианту субъективности противостоит инвариант объективности (не будем смешивать этих терминов с субъективностью и объективностью, как подходами, ибо, как субъект может познаваться и объективно, и субъективно, также и объекту свойственны оба способа познавательного отношения). И еще: имя — инвариант личностный, а число — вещный. Оба инварианта коренятся в форме, которая есть одновременно и вещь, и личность, или точнее — начало и вещи и личности; разумею и д е ю, «источник и бытия и познания», по Платону. В ней — ключ к пониманию, почему познание и бытие не расходятся между собой, коль скоро каждое из них пребывает верным себе самому: это и д е я, нумерически тождественная в них обоих, держит их равнение между собою.

Каждое из познавательных начал, в свой черед, порождает из себя пары, члены которых попарно относятся между собою так же, как самые начала друг к другу.

Ч и с л о космологически есть то же, что и д е я онтологически, а и м я отражает идею пневматологически. Материальная сторона числа, к о л и ч е с т в о, есть в отношении его формальной стороны, к а ч е с т в а, то же, что материальная сторона идеи, число, в отношении к ее формальной стороне — имени. Ту же двойственность развивает в себе и это последнее: его материальная сторона есть у с и я, а формальная — и п о с т а с ь. Итак, имеем четыре начала, два во внешнем мире и два во внутреннем: количество и качество, усия и ипостась. Они возглавляются попарно еще двумя началами — верховными началами соответственных миров: это — число и имя. И наконец, эти последние иерархически подчинены верховному онтологическому началу — идее. Итого — семь основначал знания, они же — и начала бытия. Но это не отвлеченные начала, беднеющие конкретностью по мере иерархического восхождения; напротив, они делаются абстрактнее чрез нисхождение по этой лестнице. Если бы дедукцию этих универсалий продолжать далее и далее, то мы приходили бы к универсалиям все менее конкретным и вместе — все бо-

* Окончание. Начало см. в №№ 2, 4, 5, 7, 8, 10 за 1990 г.

лее частным: это — как кровеносная система артерии, беднеющая кислородом по мере своего разветвления. А далее она снова начинает сходиться, образуя стволы все более толстые, чтобы снова собраться к единству. Но это уже венозная система, абстрактные понятия, область отрицательной философии.

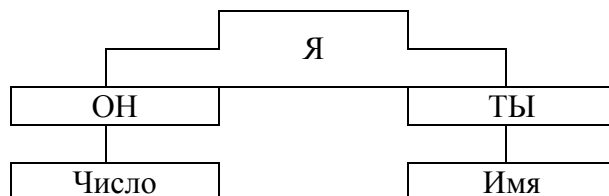
Но возвратимся к семи основным началам. Каждое из них не только порождает подчиненные ему другие, но и само непосредственно участвует в познании и бытии. Тут особенно важно отметить те сферы явлений, где наиболее выразительно показывают себя четыре младших начала. Внешний мир есть объединение пространства и времени, а вещь — место особой кривизны времени-пространства. Пространство определяется преимущественно количеством, а время — качеством. Во внутреннем мире личность есть то, что соответствует вещи в мире внешнем. Внутренний мир слагается из стихийности и нормы, долга, и есть стихийность — долг. По знаменательной словесной параллели, стихийность, как простор самопроявления, этимологически есть то же, что и пространство, тогда как долг, т. е. пребывающее в потоке событий, этимологически означает долготу или время. Следовательно, та и другая пара основоначал вполне соответствуют друг другу. Личность есть место особой напряженности стихийности — долга. При этом стихийность определяется преимущественно усией, а долг — ипостасью. Тут следует только напомнить, что под «преимущественным определением» должно разуметь отношение конкретной категории к конкретному же явлению, почему эти связи не могут быть мыслимы линейно, как простые зависимости. Скорее надо бы представлять себе эти первоначала пространство, время, стихийность и долг, как просвечивающие наиболее явно соответственными категориями количества и качества, усии и ипостаси, но не их одних в себе показывающие.

Вышеприведенная схема * категориальных связей может быть пояснена еще в новой плоскости, чрез соотношение грамматических лиц; но, конечно, здесь можно лишь намекнуть на это истолкование, которое должно быть развито в другом месте. Я трансцендентно, сокрыто не

• Схемы здесь и далее выполнены рукой автора

только от других, но и от себя самого в собственной своей глубине. Является же оно или являет себя — как ТЫ и как ОН. Как ТЫ оно являет себя лицом, а как ОН — вещью. Через имя свое Я обнаруживает себя как ТЫ, потому сознает себя; через число Я становится ОН, потому оценивает себя. Духовное строение скажется о подлежащем Я — именем, а реальность Я высказывается его числом. Этим разъяснением приведенная схема соотнесена с предыдущей.

XVIII

Противление признанию имен субстанциальными или эссенциальными формами личности нередко бывает движимо то сознательным, то полусознательным намерением отстоять свободу личности: эссенциальность имен, как думают, ведет за собой детерминизм и фатализм. Побуждение доброе, но некстати. Определенность внутреннего ритма, который утверждается за каждым именем, есть в такой же мере отрицание нравственной свободы, как и весь физический и психический склад, сообщаемый личности расою и народом, к которым она принадлежит. Несомненно, африканская кровь ускоряет душевные реакции и повышает яркость чувств, по крайней мере свойственных данному лицу; но — как следует отсюда отрицание нравственной свободы? Пойдем далее; наследственный алкоголизм, как и наследственная музыкальность, сообщают личности определенные предрасположения и склонности. Однако нравственная ценность личности ими ничуть не предопределяется; да не предопределяются и самые поступки, хотя заранее известно, что каковы бы они ни оказались, при внимательном разборе их можно будет открыть в них и характерную наследственность данного лица. Преступный идиот и блаженный юродивец — эти два полюса нравственных оценок, в смысле наследственности, может быть, плоды одного дерева. Любой фактор, определяющий строение личности, ее склонности, ее возможности, ее внутренний темп и ритм, должен натолкнуться как раз на те же трудности, что и имя: тем, кто свободу духовного самоопределения смешивает с хаотическим произволом, всякая определенность личностного строения, что бы ни было ее причиною, оценивается как ущерб свободе и источник фатализма. Но не наше здесь дело обсуждать проблему свободы, и вполне довлеет, коль скоро показано, что имя — помеха свободе не более всякого другого личностного форм-фактора; с нас достаточно и доказательства, что не от имени падает свобода, если она вообще падает от определенности личностной структуры.

Имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не дает потоку жизненных процессов протекать где попало. Но в этом русле сама личность должна определить свое нравственное содержание. Если имя есть ритм жизни, то разве данный ритм, при всей своей определенности, мешает наполнить свою схему гармониями различными, до противоположности? Быстрота психических реакций, неотъемлемо при-

сущая личности, сама по себе столь же мало говорит за или против личности в смысле нравственной оценки, как и медлительность; пылкий темперамент, как и холодный.

Так и имя; даже не «так», а в гораздо большей степени, поскольку имя хотя несравненно более целостное, нежели другие факторы-формы, но и более далекое от наглядного содержания личностной жизни. Имя — это хрия личного строения. Как ни определена сама по себе та или другая хрия, однако по ее плану выражается изложение весьма различное — до противоречивости. Так и в имени, всегда сохраняющем свою инвариантность как определенной формы личности, могут быть явлены устремления воли, чаяния сердца и направление ума самые различные, даже противоречащие друг другу.

Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни. Но это не значит, что, именем определенная, личность не свободна в своем имени — в его пределах. И прежде всего: каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей. Верхний полюс имени — чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени. Нижний полюс того же имени уходит в геенну, как полное извращение божественной истины данного имени, но и тут остается инвариантным. Преступник и закоренелый злодей направляются к этому полюсу. Между верхним и нижним полюсом помещается точка нравственного безразличия, тоже по-своему предел, около которого, никогда не удерживаясь на нем в точности собираются обыкновенные средние люди. Три предельные точки и сообразно им, три типических разряда носителей данного имени. Три; и притом со всеми промежуточными степенями духовной высоты. Но это не мешает всем им осуществлять, хотя и по-разному, один инвариант духа, один духовный тип. С данным именем можно быть святым, можно быть обывателем, а можно — и негодяем, даже извергом. Но и святым, и обывателем, и негодяем, и извергом человек данного имени становится не как представитель другого имени на той же приблизительно ступени духовности, не как угодно, а по-своему, точнее сказать — по своему имени. Многообразны доступные ему степени просветления; по все они суть различные просветления одной и той же организации, они восходят к небу по склонам одной вершины, но это не значит, что вообще существует лишь единственная вершина восхождения. Эта единая вершина есть их единое имя. Оно — общая вертикаль многих подъемов и спусков; но совершенствование и падение других, носящих другие имена, определяется другими вертикалями.

Полезно соотносить примеры различных духовных проявлений данного имени — около обоих полюсов и у точки безразличия. Так с особою четкостью проступают типичные линии именной организации, единой и равной себе во всех своих проявлениях.

XIX

Даже точно очерченное, имя представляет бесконечные возможности нравственных проявлений; но и самое русло личной жизни — имя — но может быть рассматриваемо как твердая механическая связь, безусловно исключая некоторые их движения. Если оно — связь, то гибкая и податливая, поддающаяся многообразным изменениям, хотя они не в силах уничтожить основной характер имени. А точнее сказать, имя должно быть связываемо с образованиями органическими, столь же приспособляющимися к внешним условиям, как и неизменными в своем морфологическом типе.

Так и имя — оно уступчиво, даже предупредительно к требованиям различных факторов формы; оно находит в себе энергию жизни и перерабатывается приспособительно к условиям страны, народности, духа времени, наследственности, даже применяется к своеобразным оттенкам личных отношений. Ведь имя есть слово, даже сгущенное слово; и потому, как всякое слово, но в большей степени, оно есть неустанная играющая энергия духа.

В имени живет не только семема его, но и морфема, даже фонема. Так, имя переходит к другой народности то неизменным во всех формальных началах своего строения, то изменяя одно или два из них. Это значит: народ ассимилирует его применительно к каким-то потребностям своего склада. Но нечто от имени остается неприкосновенным. Когда, около I века до и после Р. Х. возникли имена Аристон вместо Тоби, Бозтос вместо Езры, Юст вместо Садока, Филон вместо Иедилии и Фео-дор вместо Натанеля, то сохранялось этимологическое значение еврейских имен, но не звук имени и в значительной мере не его семема: духовная форма имени перевоплотилась в новое тело. Такого рода перевод имен делался естественно на разные языки — например при переводе на арабский. Елезар превратился в Мансура, Мацлиав - в Маймуна. В других случаях звуковым эквивалентом являлось некоторое производное от семемы его, а не от морфемы. Так, в благословениях Иакова, Иуда сравнивается с молодым львом, и, следовательно, л ь в и н о с т ь наличествует в семеме этого имени, хотя и не имеет ничего общего с коренным значением; имя Иуда превращается в Лео, Леве и Леб, Лейба — по другому произношению, своими звуками опять-таки выделяя семантический момент возлюбленного сына Иуды: Леб — по-еврейски — сердце; а в арабской среде — имя Аббас заменило имя Иуды, как арабский перевод слова лев. Подобным образом Нефалим или Нафтали дает имя Гириш, и т. д. Имена, сколько-нибудь устойчивые имена, повторяю, очень немногочисленны в мире и заимствуются и переименовываются народами друг у друга, приспособлением их к новым условиям. Сперва может показаться, что некоторые имена не имеют ничего общего между собою, но более внимательный взгляд живо установит внутреннее единство целых групп имен. Можно сказать: нет имен ни еврейских, ни греческих, ни латинских, ни русских и т. д., а есть только имена общечеловеческие, общее достояние человечества, которые являются в весьма различных аспектах. Во многих случаях неизменной или переработанной остается фонема имени, тогда как коренное значение утрачивается или же подвергается прививке новым. Таково, например, имя Ифлат персидских евреев, являющееся переработкой греческого имени Платон, и таких много. Даже исконные имена народа могут в звуковом отношении приспособляться к новой языковой среде. Так, в Испании у евреев библейские имена получили арабский звуковой стиль — например, Аказ — из Исаака, Коффеу или Коффе — из Коген, Кондия — из Уом-Тоб, Крескас или Крескес из Цемах и т. п. Этот и другие процессы в жизни имен свойствен всем народам и всем языкам.

XX

Уменьшительные, ласкательные, уничижительные, насмешливые, бранные, житейские и прочие видоизменения каждого имени надлежит понимать как различные приспособления данного имени к оттенкам отношений в пределах одного народа и одного времени. Эти приспособления не образуют замкнутого круга, и в случае потребности излить те или другие чувства, словесное творчество в этом смысле может продолжаться

беспредельно: определенное в себе, имя вполне пластично и в совершенстве воспринимает каждый нажим на него. Но в известные времена утрачивается чутье монументальной формы данного имени, как непосильно величественной этому времени; общество не нуждается, или мнит себя не нуждающимся в первоисточных силах известного имени. И тогда, вместе с измельчанием самой жизни, первоисточные имена, особенно имена духовно обязывающие, становятся обществу далекими и непонятными, заменяясь приниженными своими переработками, а то и вовсе забываясь. Так, нашему времени духовного оскудения чуждо звучит имя Иоанн, и, непонятное в своем высоком строе, оно кажется притязательным и неискренним; оно вытеснено низшим перерождением своим, древесиной высшей духовности,— именем Иван. Сын грома, запертая молния, страх Божий, любовь и мудрость Божия — это Иоанн; но эти онтологические высоты не по ничтожным силам времени, когда «живот прилип к земле». Появляется Иван— имя, не содержащее ни оттенка особой любви, ни других каких-нибудь особых отношений, а просто приниженное и обедненное, расплывчатый и лишенный четкости слепок первоисточного имени. И, открытое одним народом, оно начинает сознаваться и другими за весьма удачно передающее требование времени. Так, русское Иван, уже с нарочитым нажимом, заимствуется иными народами, например, немцами, у которых делается Iwan; например, известный классик-филолог — Iwan Müller. Подобно этому имена уменьшительные, выходя за пределы, где подразумеваются чувства особой близости, приобретают вкус ясно слащавый и свидетельствуют в таком случае о каком-то размягчении духовного стана культуры. Подлинная реальность с ее онтологическою крепостью уже не воспринимается обществом, ему хочется скрыть от себя внутреннюю пустоту суррогатами и украсить притворными и приторными чувствами,— хотя и подлинные не возместили бы прямых устоев жизни. Саша Шнейдер в отношении пожилого, даже старого человека — разве это не противное сюсюканье, делающее вид, будто этот рисовальщик почему-то всему свету «Саша», хотя на самом-то деле и того, что человек должен видеть в человеке, сплошное большинство в этом, якобы нежно любимом, «Саше» конечно не видит. Но ведь это не исключение, т. е. этот способ пользоваться именами,— это почти необходимо развивающаяся сентиментальность, когда общество снимает с себя священный долг видеть в ближнем образ Божий и пытается подменить этот долг слащавыми мечтаниями о чем-то «неизмеримо большом». Церковь, давая имена без субъективных суффиксов, требует тем, как многие думают, отношений, твердо стоящих на твердой почве, так сказать, деловитых и, на салонный вкус, слишком определенных, чтобы не казаться грубоватыми. Но эти отношения есть долг, а не мое великодушие,— подлинная жизнь, а не мечта, рассыпающаяся при столкновении с действительностью. Эту-то мечту и хотели бы насадить отрешившиеся от Церкви, а закрепляются эти мечтательные отношения именами уменьшительными. Уменьшительность имени, по самому смыслу своему, имеет задачей выразить исключительный характер некоторых личных отношений, некоторый порыв чувства, некоторый особый оттенок обращения, некоторую субъективность. Между тем здоровое жизненное отношение к людям вообще, может быть за редкими исключениями, есть отношение трезвенное и объективное. Сделанное же обще- и механически-употребляемым, уменьшительное имя возвещает и общеобязательным соответственный субъективный оттенок, которого у подавляющего большинства нет, быть не может и не должно. Таким образом, самым именем вносится в общественную атмосферу фальшь и необходимость какого-то подсознательного самовнушения. При этом распространение уменьшительных имен есть свидетельство самого языка о принижении совре-

менной культуры сравнительно с высоким онтологическим строем культуры церковной.

У В. В. Розанова находим наблюдение того же рода...(...) *

XXI

Имена гибки и емки, способны вместить самые различные частные обстоятельства, в которых живет данная личность. До сих пор говорилось о личном имени, и уже тут его применимость к местным, народным, историческим условиям сказалась в возможности отдельным моментам самого имени — фонеме, морфеме и семеме — так или иначе меняться или приспособляться. Но этим не ограничивается индивидуализация имени в каждом частном случае пользования им. Ведь то, что в собственном смысле называется именем, есть средостоянное ядро личности, ее существеннейшая форма; воплощаясь, эта форма обрастает кольцом второстепенных ономотологических символов, которые своею совокупностью и совместно с тем, главенствующим, символом образуют полное имя данной личности. Так, отчество подчеркивает и имени духовную связь с отцом, фамилия — с родом, В известном возрасте, когда личность еще не усохла и не выступили в ней индивидуальные линии, то могут поверхностному наблюдению быть особенно явными черты родовые, и именно отцовские. Достоинно внимания, что в таком случае и имя отцовское, через отчество, явно преобладает над собственным именем данного лица. Если имя личное и имя отца весьма далеки друг от друга по своему характеру и потому вкус того и другого в личности может быть легко различаем, то с особенною ясностью тогда в некоторых случаях чувствуется окружающими внутренняя необходимость перевернуть имя и отчество и сделать из личного имени — отчество, а из отчества — имя. Среди различных встреч такого рода мне сейчас особенно припоминается Николай Андреевич Новицкий, с которым мне пришлось ездить в 1916 году в санитарном поезде черниговского дворянства: несмотря на естественную необходимость привыкнуть к его имени, навязчиво преследовала мысль, что его зовут Андрей Николаевич, и когда об этом спрашивал я окружающих, то они со смехом открывали для себя, что, конечно, это так. Не знаю, вывернулось ли теперь это его имя правильно, я потерял его из виду? Но вот припоминается мой ученик Дмитрий Алексеевич Куличин, который казался мне живым свидетельством против учения об именах, потому что года три нашего знакомства был явным Алексеем, а не Дмитрием, Алексеем Дмитриевичем, и положительно сбивал меня с толку. Однако на четвертый год, когда произошла революция, толчок ее нарушил очевидно неустойчивое равновесие этого юноши и вызвал кристаллизацию пересыщенного раствора: из юноши Куличин в несколько дней стал молодым человеком, а на Алексея -явным и типичным Дмитрием.

Известные оттенки индивидуальности выражаются и формулируются различными особенностями в сочетании имен. Так, есть люди какие-то безотцовские, и во всем складе их чувствуется, что они рождены собственно только матерью, а отец участвовал тут как-то между прочим, не онтологически. В отношении таких людей, хотя бы и взрослых, даже известных, отчество если и прибавляется, то лишь внешне, из корректности, естественное же движение, даже у мало знакомых, называть их только по имени или по имени и фамилии. В обществе произвольно устанавливается называть их, не в пример прочим, без отчества. Пушкин для всех Александр Сергеевич и Толстой — Лев Николаевич, Розанов — Василий Васильевич, но — Вячеслав Иванов и Максимилиан Во-

-
- В рукописи пропуск текста (*ред.*)

лошин, просто по именам, и на язык не идет отчество, как на мысль — представление, что у них были отцы, хотя матери, материнский момент в них чувствуется весьма живо. Напротив, бывают люди, в которых лично индивидуальный момент настолько теряется в бытовом и родовом, что естественно именование их но одному только отчеству; так, в крестьянстве, где слитность рода и общества особенно прочна и индивидуализация выражена соответственно слабо, равно как и в героической Гомеровской Греции, устанавливается обычай именовать почтенных людей лишь по отчеству.

Дополнительные имена западного мира, у протестантов и в особенности у католиков, а также сложные имена арабов и других, равно как и наши прозвища, несут одну и ту же должность: дифференцировать имя и представить его к выражению различных тонких оттенков, зависящих от каких-либо своеобразных факторов образования личности. Вполне понятно, что древность фамилий, знатность рода или чрезвычайные исторические события, связанные с памятью рода, собирают в представителе такого рода особенно много индивидуализирующих факторов, притом ярко выраженных, и потому затор различных имен в сложном имени такого представителя не должен казаться чем-то придуманным. Но этой многосложностью почти распадающегося имени указывается и соответственное строение носителя такого имени: у него много богатств, исторически скопленных, и каждый формообразующий фактор сам по себе выражен ярко: однако самая личность задавлена историческим наследием и сознает себя лишь сторожем родовых сокровищ. В ней нет достаточно формообразующей силы, чтобы органически объединить все свое содержание, она лишена цельности, а потому и творчества, обреченная на исчезновение, как и исчезло собственное имя ее под тяжестью золота и украшения этого имени; богатства, к которым она исторически приставлена, разойдутся по рукам, в лучшем случае доставшись более молодым родам, а то — и обезличатся в музеях истории.

Перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром, влечет за собою переименование, или с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни. В дальнейшем мы рассмотрим эти процессы переименования. Пока же только отметим, что они собственно лишь прививают к основному имени, от личности безусловно неотъемлемому, некоторые новые имена, и при этом новые имена могут быть настолько сильны, что оттесняют в сознании как самого переименованного, так и окружающих его основное имя на второй план. Но это не означает полного исчезновения этого имени, вместе со строением личности, которое им определяется: внимательно вглядываясь в личность, в ней можно открыть ее прежнее имя и прежний духовный склад, как бы отчество человека, родившегося от самого себя. Искренно принятое монашество обыкновенно превращает монашеским переименованием прежнее имя — в род отчества; не без причины монахи нередко празднуют день памяти своего мирского имени, имея в душе ощущение, что основное имя, с которым человек вошел в мир, пребывает навеки. Припоминается, как на моих глазах один из моих друзей и учеников Александр Волков был пострижен с именем Павла. Он искал иночества убежденно и сознательно и самое пострижение пережил как некоторое мистическое посвящение и прерывное преобразование личности. Вскоре же после пострига можно было заметить, Павловство стало вкрапляться в новопостриженного и оттеснять в нем его Александровство, так что через некоторое время эта реакция замещения и оттеснения завершилась и прививка имени Павел перекусила по-новому Александра. Но наблюдение и впоследствии обнаруживало в нем двуслойность, и под окраскою Павлом мерцала глазу подгрунтовка Александром.

В других случаях переименования опять-таки образуются некоторые сложные именные образования с преобладанием того или другого из имен, в зависимости от жизненного процесса усвоения и от способа их получения.

XXII

До сих пор речь шла принципиально о значимости имен и о складе личности, носящей данное имя. Однако не достаточно в общем провести это положение и не показать, каковы же в частности типы духовного строения, соответствующие различным именам. Самое уловление хотя бы нескольких таких типов будет тогда служить доказательством существования именных типов; в самом деле, почему бы не существовать этим типам вообще, коль скоро показано на деле существование типов некоторых, почти наудачу взятых имен. Тут возникают две трудности, и их необходимо оговорить. Первая трудность — самое имя. Что есть Имя? Раз оно акклиматизируется в различных средах и подвергается различным изменениям, то необходимо происходит расщепление имени, и, устанавливая тип известного имени, приходится опереться на тот или другой частный вид его. А если так, то возможно ли установление общего именного типа? — Эта трудность — та же, как и при обсуждении памятника литературы, дошедшего до нас через посредство нескольких последовательных переводов и притом различными путями. Нельзя сказать, чтобы перевод непременно ухудшал подлинник: напротив, он может даже его обогатить (например, переводы Пушкина, Лермонтова, Жуковского). Но перевод неизбежно видоизменяет переводимое: если строго соблюдаются оттенки смысла, то необходимо изменить либо корневой состав, либо — звуковую инструментовку, ритмику и т. п.; невозможно быть верным сразу всем трем моментам речи, ибо тогда двум языкам пришлось бы иметь во всех отношениях одну и ту же природу, т. е. быть одним языком. Поэтому при переводе приходится удерживать что-нибудь одно и жертвовать всем остальным, а тогда произведение перестает быть органическим. В силу этого и ради органичности произведения необходимо до известной степени пожертвовать всеми тремя сторонами речи, смысловой, грамматической и звуковой, и заново создать на другом языке некоторое новое произведение, — ответ духа данного народа на идеальную тему, воплощенную другим народом. В этом новом произведении мы узнаем идеальную сущность того, переведенного, тогда как в переводе более как будто верном не чувствуем самого главного, органического единства. Через конкретные и частные средства воплощения мы приходим к изначальной духовной форме.

Так и относительно имени. Имя нельзя перевести на другой язык вполне адекватно, как нельзя его и перенести сырьем в другой язык, чтобы оно слилось в органическое единство со всею речью. Оно должно быть сотворчески воссоздано в другом языке, и следовательно необходимо будет иным аспектом того же именного типа. Но через этот аспект можно прозреть в исходный духовный тип имени, стоящий над всеми частными аспектами, а в них проявляющийся, но каждый раз своеобразно окрашенный. Исследование имен начинается с определенного частного проявления известного имени в стихии некоторого языка, но посредством этого проявления подходит к другим и простирается к самым духовным корням именного типа, всех их питающего.

Вторая трудность — объяснить методологию исследования. В самом деле, как именно познаются эти типы. Внешне доказательным такое исследование могло бы быть проведенным лишь приемами статистическими. Можно было бы, например, изучить вероятность некоторых конвергирующих сочетаний признаков у носителей известного имени и у представите-

лей некоторого другого имени, постараться показать, что имя благоприятствует тому или другому сочетанию. В частности, при установке на личность, рассматриваемого сочетания в данной личности, можно было бы воспользоваться опять-таки статистически обработанными свидетельствами о ней окружающих. Но такой, как говорится, «объективный» способ применить было бы делом нелегким, как по его громоздкости, так и по неразработанности психологической и моральной статистики.

Было бы заманчивым осуществить именные типы в наглядных образах. На пути «объективного» исследования тут мысль естественно наталкивается на суммарное фотографирование, разработанное Гальтоном. Нарращивая изображения представителей одного имени, можно было бы составить коллективный образ данного имени; было бы естественно сперва проделать это в отношении людей определенного возраста, общественного положения, народности, а затем уже сочетать между собой эти средние ступени общения. Такой замысел, однако, провести на деле было бы столь же трудно, как и высказать в общем виде: осуществление Гальтоновской фотографии требует очень большой работы, и практически организовать съемку людей одного имени и подходящих и общественных и прочих признаков было бы очень сложным.

Следовательно, при изучении ономастологических типов «объективный» путь едва ли практически осуществим, и в настоящее время трудно представить, чтобы материал мог быть охвачен исчерпывающе. А раз так, то явно выступает необходимость интуитивного проникновения в имена. Впрочем, эта трудность — того же порядка, что и во всех науках, устанавливающих тип: ни биология, ни психология, ни эстетика, ни история и т. д и т. д. не прорабатывает для образования типа материал исчерпывающе и всегда ограничивается некоторым числом ярких случаев. Если бы и анализ имен прибегнул к тому же органическому кругу случаев, то такой прием не свидетельствовал бы против ономастологии. Но, по-видимому, эта последняя в положении и более и менее выгодном, нежели прочие дисциплины. Если, разбирая данное имя, мысленно держаться нескольких определенных представителей его, то почти невозможно не сбиться при этом и не подменить признаков имени частными обстоятельствами имеемых в виду лиц: наглядные и сравнительно грубые впечатления чувственного порядка заглушают умные черты именной организации. Чтобы не сбиться с умного созерцания, необходимо тщательно отстранять от себя всякие наглядные образы, те или другие примеры, встреченные нами в жизни. Трудность ономастологического анализа — в постоянной необходимости оберегать ум от чувственных представлений, гораздо более ярких, нежели интуиции, которые нужно изложить. Когда именной тип уже закреплен в слове, конечно ничто не препятствует проверять его на конкретном материале, примеривать их к своим знакомым, хотя и тут требуется большая осторожность, потому что имена скорее должны руководить нас в понимании личности, нежели определяться этим пониманием. Но процессу самой работы над именами — медитации — надлежит быть чистым.

Что же есть предмет такой медитации? — Не образы, а самое имя, как слово, словесный организм, а в нем — важное значение имеет звук его. Но было бы неправильно сказать, что ономастология исходит только из звука; ее предмет есть имя. В этом слове сгущен также опыт веков, естественно наращенная Гальтоновская фотография и естественно подсчитанные вероятности духовной статистики. Бессознательное, это все однако таится в имени и, когда мы отстраняемся от сознательного, но поверхностного и бедного опыта индивидуального, тогда выступает в сознании обобщенный опыт всечеловеческий, и нами, в нас, посредством нас, говорит сама история.

В последующем приводится ряд именных типов, изложенных на основании такого рода интуиции. Они распределены в некотором внутреннем порядке; постоянным сопоставлением отдельных имен изложение может быть проведено более сжато и более выразительно.

* * *

Работа «Имена» написана священником Павлом Флоренским в 1923— 1926 гг. В проспекте цикла «У водоразделов мысли», объявленного в 1922 г., указаны два выпуска, которые, на наш взгляд, преобразовали две части работы «Имена»: теоретическая — вып. 10 «Метафизика имени в историческом освещении»; эмпирическая — вып. 11 «Имя и личность». Теоретическая часть работы (XXII главы) полностью публикуется впервые (ранее опубликованы в сокращении главы I—V — «Вопросы литературы» 1988, № 1). Эмпирическая часть работы (описание 18 парных мужских и женских имен как типов личности) опубликована в журнале «Социологические исследования» (1988, № 6; 1989, № 2—6). Работа «Имена» публикуется по оригиналу (машинопись, правленая автором — семейный архив Флоренских). В примечаниях и выверке текста использованы авторские подготовительные материалы. (В журнале «Социологические исследования» — 1988 г. № 6, 1989 г. № 2—6 впервые опубликована вторая часть работы).